

мы зовем казачью эмиграцию, ибо для осуществления казачьей задачи нужно единство казачьих сил. Особенно теперь, перед таким ответственным историческим моментом. Этим сил нужно будет много. И не только сил: много — дисциплины много — жертвенности, много — любви к своей Родине, но вместе с тем — много хладнокровия, много ясной мысли.

Мы же, вольные казаки, объединенные одним стремлением, воодушевленные одним желанием, понесем наше знамя, знамя возрождения и освобождения Казачества — „В. К.“ в четвертый год его жизни с непреклонным намерением приблизить для Казачества

осуществление идеалов, провозглашенных 10 декабря 1927 года.

После речи редактора гостям была предложена холодная закуска и чай.

Были оглашены полученные редакцией приветствия, а затем некоторые из присутствующих попросили слова для того, чтобы в дружеской обстановке высказаться более откровенно и непринужденно, чем это возможно на страницах печати, о всех вопросах, связанных с Казачьим Вопросом, и о той роли, какую играет в его решении „В. К.“ Ниже мы помещаем общее изложение тех речей и оглашенные редакцией письменные приветствия.

Речь Ш. Н. Балинова.

Я имею удовольствие выступать на настоящем скромном торжестве редакции „В. К.“ — праздновании третьей годовщины ее работы — в двойном качестве: приветствую ее от имени калмыцкой группы „Хальмак Тангачин Тук“ и от имени группы вольных казаков, живущих в Париже; приветствую и от души желаю ей и в дальнейшем столь же плодотворной работы, как это было до сего времени, и всяческого успеха в ее трудном, но бесконечно важном, жизненно необходимом для Казачества, деле.

В эмиграции принято, даже почитается хорошим тоном, говорить, что эмигрантам не до празднеств, что их удел — предаваться печали, носить траур... Это, конечно, отчасти верно, но только отчасти, ибо у эмигрантов, кроме великого горя, есть и великая обязанность, нравственный долг — живя в свободных, культурных условиях Европы, громко, во всеулышание говорить о тех нечеловеческих страданиях, ужасах, переживаемых нашими братьями „там“ и искать путей и возможностей к освобождению их от тиранической власти московских большевиков.

Но, освобождение не мыслимо без действенной и активной борьбы, а борьба невозможна без твердой, сознательной воли к ней всех. А такое занятие, как постоянная печаль и покаяние, не может поднимать духа, укреплять веру, закалять волю. Между тем, казакам необходимо свой дух поднимать, свою волю всячески закалять, ибо борьба, и словом и делом, за счастье и свободу родного Казачества необходима и теперь, в эмиграции, а может быть, станет неизбежной в недалеком будущем и „там“ в Родных Краях.

„Там“ в последнее время что-то происходит: большевицкая верхушка переживает тревожный, трудный момент; различные „уклоны“, „оппортунизм“, „вредительство“ растут пышным цветом; так называемые „окраинные“ народы, в том числе и Казачество, поднимают голову, волнуются, восстают. В эмиграции все напряженно ждут чего-то... Казакам необходимо быть готовым ко всему. Широкое недовольство, ненависть населения „окраин“, в частности Казачества, к сов. власти известны. В последнее время, в связи с происходящей складкой наверху, настроение „окраин“ повышается, атмосфера накаляется. Великие события, кажется, надвигаются вплотную. Долгожданный для нас день, после которого должно наступить радостное, светлое „завтра“ Казачества, может наступить внезапно. Поэтому казаки не смеют заниматься покаянием, угашением своего духа; они обязаны смотреть вперед, думать о грядущих событиях, готовиться к ним.

Помимо этого, казакам и нет причин каяться, ибо они в недалеком прошлом сделали все, что было в человеческих силах: 2½ года с оружием в руках вели героическую борьбу с большевиками за свободу и лучшее будущее Казачества. Им нечего стыдиться, они смело и гордо могут смотреть в глаза всем. Да и вообще нам необходимо отмечать все более или менее замет-

ные события, каждый день, отличающийся чем нибудь от остальных невеселых, серых эмигрантских дней, собраться с мыслями, оглянуться на пройденный путь, разобраться во всем том, что сделано за это время...

Для редакции „В. К.“ одним из таких памятных дней, естественно, является 10 декабря — день выхода в свет первого номера журнала. Сегодня отмечается третья годовщина и мне, приехавшему из другой страны, особенно приятно присутствовать на этом празднестве и приветствовать редакцию от имени своих друзей во Франции. Это ежегодное скромное празднование входит как бы в традицию „В. К.“, а установившаяся традиция — большое дело. Традиция, это — общественное, народное воспитание, а воспитание это почти все, во всяком случае один из китов, на которых зиждется народная жизнь. Вот почему устанавливающуюся традицию праздновать день выхода в свет первого номера журнала „Вольное Казачество“ нельзя не приветствовать.

В исключительно тяжелых условиях журнал взял на себя трудную задачу — воскрешать в памяти казаков старую идею казачьей государственной независимости и пытаться претворить ее в жизнь; пробуждать и укреплять у казаков сознание своей казачьей особенности, своего неотъемлемого права на устройство своей жизни по своему разуму, по своему пониманию, без опеки, поощения разного рода „благотетелей“, „доброжелателей“.

Задача эта вдвойне трудная. Во-первых, в условиях эмигрантской жизни трудно начать и делать вообще какое либо дело, а тем более трудно делать такое дело, как дело В. К. Почти невозможно развернуть, расширить его в таком масштабе, как того желали бы сами казаки, чтобы ускорить процесс освободительной борьбы и приблизить желанный для всех нас день.

Против Вольного Казачества быстро создался и стал единый фронт всей русской эмиграции, что ей уже десять лет никак не удается в борьбе против большевиков. Если принять это обстоятельство во внимание, то, очевидно, что освобождение Казачества от власти большевиков для русской эмиграции гораздо опаснее, ненавистнее, чем сами большевики, чем ГПУ. Во-вторых, среди самих казаков, особенно среди так наз. „б. казачьих вождей“ нашлись противники, которые не гнушались никакими средствами в борьбе с В. К., пускали и пускают в ход клевету, ложь, — вплоть до угрозы повесить всех вольных казаков. Эти казацки противники „В. К.“, все свои усилия направляли к тому, чтобы изолировать „В. К.“ создать между ним и казачьей массой непроницаемую стену.

И, действительно, выражаясь словами поэта — труден был первый шаг, скучен был первый путь.

Но, несмотря на все потуги противников „В. К.“ удалось проделать большую работу на путях пробуждения казачьего самосознания. Свободный голос „В. К.“ с одной стороны, инстинктивная тяга казаков к этому сво-

бодному, правдивому казачьему голосу — с другой пробили брешь в этой искусственно воздвигавшейся изоляционной стене и, наконец, разрушили ее почти до основания.

Я говорю „инстинктивно“, ибо в начале казаки к В. К. потянулись именно инстинктивно, своим внутренним чутьем догадываясь, что именно здесь правда. Но потом, в свете той правдивой картины, какую развернули перед казаками 70 номеров журнала „В. К.“, этот первоначальный инстинкт превратился в твердое сознание. В этом заключается большая историческая и политическая заслуга „В. К.“.

Та зажигательная идея возрождения Казачества, тот прекрасный идеал о его свободном независимом государственном существовании, которые постепенно и методически развиваются журналом „В. К.“, захватывают все больше и глубже широкую казачью массу. Этот гордый казачий призыв к пробуждению, возрождению дает большую моральную пищу истосковавшейся, изголодавшейся, изверившейся душе казака и теперь все чаще и чаще говорит: есть еще порох в пороховницах, не иссякла казачья сила.

В этом заключается вторая большая заслуга журнала „В. К.“.

Ныне казаки говорят: Казачество, как особый народный организм, национальность, создавалось долгим историческим процессом. К нашему несчастью, дальнейшее его развитие, оформление, искусственно было задержано, направлено по ложному пути. Теперь мы осознали свою казачью особенность, желаем развитие своей народной особенности направить по правильному пути, желаем своей сознательной волей творить и укреплять свою национальность, сделать что легче и лучше всего можно только при самостоятельном государственном существовании.

Но идеи и идеалы В. К. соответствуют чаяниям и стремлениям не только одних казаков. По нашему мнению, они совпадают и с подлинными интересами других степных народов, территориально и исторически близких к Казачеству. В частности, мы, калмыки-самостийники, считали и считаем, что идеи и идеалы В. К. полностью совпадают с национальными интересами и нашего небольшого калмыцкого народа. Именно поэтому наша группа считала и считает необходимым работать вместе, в полном контакте с В. К..

Наша группа ставит себе большую национальную задачу. Она стремится к осуществлению идеи нацио-

нального самоопределения и возрождения нашего народа и всеми доступными ей силами и средствами преследует свою задачу. Она пытается сколачивать воедино все живые национально-общественные силы; она стремится, чтобы идея национального самоопределения, возрождения нашего народа проникла всю психологию наших собратьев.

Вместе с тем, мы хорошо знаем свою слабость, бедность. Мы сознаем, что если бы даже нам удалось объединить все живые силы нашего народа, если бы с этой стороны все у нас обстояло идеально, то и тогда только одними своими силами осуществить свои национальные задачи мы не в состоянии. Нам необходимо сотрудничество с другими национальными группировками, чтобы взаимной помощью, сообща действовать успешно осуществлению своих чаяний...

Таким союзником для нас в первую очередь является Казачество, а в его среде — течение В. К. Его понимание формы будущего казачьего государства совершенно совпадают с пониманием нашей группы. Свободное, независимое казачье государство — Казакция — на основах народоправства, одной из составных и равноправных частей которого должен явиться и народ калмыцкий. Этот идеал В. К. является и нашим идеалом. Поэтому дело В. К. — и наше дело. Вот почему неуспех В. К. способен принести нам большое огорчение, а успехи его бесконечно нас радовать. До сих пор времени особых причин огорчаться для нас еще не было. За эти три года проделана большая работа, достигнуто многое. Но для осуществления всей задачи В. К. этого слишком еще мало. Впереди еще очень много и самая трудная часть работы. Но мы надеемся и верим, что журнал и с этой трудной частью работы успешно справится. Его упорный, порой черезчур упорный редактор, думается нам, достигнутым не успокоится и он с еще большей энергией, с еще большим упорством будет делать то дело, которому он посвятил себя и только тогда успокоится и заслуженно отдохнет, когда вернется на освобожденную родную Кубань...

Заканчивая свое слово, мне хотелось бы высказать только одно пожелание, являющееся, как мне думается, пожеланием многих: чтобы следующая годовщина журнала праздновалась не в „Золотой Праге“, где нашла гостеприимство редакция „В. К.“, а в столице будущего свободного, независимого Казачьего Государства, чтобы это событие превратилось там в торжественное, ликующее празднество всего Казачества.

Речь Ф. К. Воропинова.

Среди вопросов, которые мне задают после моего вторичного появления за границей, чаще всего приходится слышать следующие:

1. как относится Казачество на родине к советской власти, — значительна ли та часть Казачества, которая смирилась и приняла советскую власть?
2. каковы отношения между казаками и иногородними?
3. насколько распространены среди Казачества самостийные настроения?

Это — основные вопросы, от того или иного, но твердого, проверенного на основании опыта и непосредственного наблюдения, ответа на которые зависит наше дальнейшее поведение, наши планы и надежды. Вполне естественно, что именно эти вопросы больше всего интересуют и волнуют нашу эмиграцию. Особенно же остро эти вопросы стояли перед каждым из нас в первые годы эмиграции. Также остро они стояли тогда и передо мною лично.

Но мне казалось, что исчерпывающе-ясный, исключая всякие сомнения ответ на них можно составить себе лишь путем непосредственного наблюдения жизни Казачества под советской властью со стороны лица, которому можно было бы вполне верить, или лично. Мне казалось, с другой стороны, что, если, возвратившись на родину, сознательно отказаться от вся-

кой политической работы и заняться сельским хозяйством, возможно жить там более или менее спокойно и наблюдать жизнь и настроения. Наконец, я был почти уверен, что советская власть будет держаться еще долгие годы, во всяком случае не менее 3-5 лет, как бы не относилось к ней наше население, но что участь ее в конечном счете будет решена все-таки не усилиями эмиграции, а протестом на месте тех народов, на спине которых она производила свои социальные эксперименты. Поэтому личное присутствие на месте в решительный момент могло бы дать возможность, так сказать, с лихвою наверстать годы вынужденного политического бездействия. Мне казалось, что за честную и открытую революционно-политическую деятельность правительство, вышедшее из революции, не может преследовать. Личных же врагов у меня там не было, и с этой наиболее уязвимой стороны опасности не могло быть. Отчасти, наконец, я рассчитывал и на то, что моя высылка командованием добровольческой армии также должна была сыграть некоторую защитную роль.

Подписание обращения к кубанцам, если рассуждать строго и беспристрастно, не обязывало еще нас самих возвращаться на родину хотя бы уже по одному тому, что мы боролись против советов не по мобилизации, а по выборам и личному почину и организовали эту борьбу. Тем не менее это все же давало